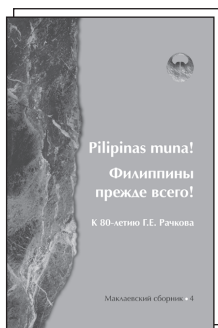

- Симченко Ю.Б.* Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980а. С. 11–27.
- Симченко Ю.Б.* Ревитализация традиционных верований народов Северной Азии // Симченко Ю.Б. Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки (Российский этнограф. Вып.7). М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1993б. С. 5–36.
- Симченко Ю.Б.* Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Севера Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970. С. 174–213. (в соавт. с В.И. Васильевым).
- Симченко Ю.Б.* Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965.
- Симченко Ю.Б.* Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и юкагиров // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974. С. 270–291.
- Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. М.: ИЭА РАН; КМЦ, 1996. Ч. 1–2. (Библиотека российского этнографа).
- Симченко Ю.Б.* Этногенез юкагиров // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980б (в соавт. с И.С. Гурвичем). С. 41–151.
- Симченко Ю., Сорокин О.* Отца Егория Деянья. М., 1991. Т. 1–2.

Елена Федорова

Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! К 80-летию Г.Е. Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 683с., илл. (Маклаевский сборник. Выпуск 4).

Елена Владимировна Ревуненкова

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
evrevu@gmail.com

Рецензируемый сборник написан в основном по материалам первой российско-филиппинской конференции, проходившей 14 и 15 сентября 2009 г. в Санкт-Петербурге [Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! 2009; Pilipinas muna! The Philippines is a Priority! 2009]¹, но не является ее зеркальным

¹ Отчет о конференции см.: [Ревуненкова 2010].

отражением. Поэтому прежде чем перейти к собственно рецензии, необходимо дать некоторые пояснения, касающиеся предыстории публикации сборника.

Конференция была посвящена 80-летию со дня рождения выдающегося ученого — филиппиниста-филолога, преподавателя Восточного факультета СПбГУ Геннадия Евгеньевича Рачкова. По ее итогам было принято решение издать два параллельных сборника — на русском языке в издательстве МАЭ РАН и на английском и филиппинском языках в издательстве Университета Филиппин. Выход в свет рецензируемого сборника означает выполнение первой части этого решения. А учитывая, что несколько статей филиппинских, английских и американских авторов — коллег и друзей Г.Е. Рачкова — представлены в нем на английском языке, можно считать, что в определенной степени выполнена и вторая часть решения российско-филиппинской конференции.

Ряд очень важных докладов, прозвучавших на конференции, по тем или иным причинам в сборник не вошли. К ним относится доклад А.Г. Козинцева «Население Филиппин и эволюция человеческих популяций Тихоокеанского бассейна», в котором автор на широком сравнительном фоне представил генеалогические взаимоотношения человеческих популяций данного региона в связи с общими проблемами антропологической систематики. Не вошел в сборник и доклад В.В. Сумского «Изучение истории Филиппин в России: А.А. Губер и Г.И. Левинсон как историки Филиппинской революции», в котором был освещен вклад названных российских ученых в исследование важнейших событий в истории Филиппин. В ряду прочитанных на конференции, но не вошедших в настоящий сборник стоит и доклад В.Б. Касевича «Грамматика и семантика восточного текста: квантитативные характеристики», представляющий промежуточный отчет о работе над проектом, в рамках которого группа исследователей устанавливает типологические численные индексы для 15 языков Азии и Африки. И наконец, за пределами сборника остался доклад М.В. Станюкович — организатора первой российско-филиппинской конференции, а также составителя и ответственного редактора рецензируемого сборника. В докладе, основанном на полевых материалах автора, рассматривались особенности *худхудов* (эпических сказаний) у локальных групп ифугао и калангуя, говорящих на разных языках, но владеющих одной эпической традицией, неизвестной другим локальным группам этих народов. Эти особенности служат еще одним подтверждением существования новой эпической

универсалии, определяемой в фольклористике как закон локальности¹.

Все названные доклады, содержание которых отражено в тезисах конференции, в разной степени раскрывают роль филиппинских материалов в решении общих проблем антропологии, истории, лингвистики и фольклора, а поэтому представляют и теоретический интерес. В то же время в сборнике имеются статьи антропологического, историко-этнографического и лингвистического характера, содержание которых не звучало на конференции и не было опубликовано в тезисах (статьи Л.А. Рида, Р.Т. Хосе, М.Ю. Медведева, Н.Ф. Алиевой, К. Стоун). Они были написаны специально для настоящего издания, но в соответствии с общей тематической направленностью прошедшей конференции.

Следует сделать еще одно немаловажное замечание. Многие статьи сборника написаны филиппинистами — учениками Г.Е. Рачкова. Однако Геннадий Евгеньевич не только выдающийся филиппинист, но и очень известный кореист. Вклад ученого в изучение корейской филологии был освещен на конференции в нескольких докладах его учеников-кореистов, посвященных вопросам классической и современной корейской литературы. Содержание этих докладов опубликовано в тезисах конференции, но в сборник, ограниченный тематикой, связанной с Филиппинами, эти материалы включены не были. Таким образом, чтобы иметь полное представление о таком значимом событии, как первая международная конференция филиппинистов в России, которая отразила широкий исследовательский кругозор основателя филиппинской филологии в Санкт-Петербурге Г.Е. Рачкова² и в то же время явилась первым в России опытом международного научного сотрудничества в исследовании языка, истории, этнографии и культуры Филиппин, следует изданные тезисы конференции «*Pilipinas tina! Филиппины прежде всего!*» и сборник под таким же названием рассматривать как взаимосвязанные и дополняющие друг друга публикации.

В сборнике участвует широкий круг специалистов по антропологии, филологии, истории и культуре не только Филиппин, но и других стран как входящих в один историко-культурный ареал с Филиппинами или близлежащий к нему (Индонезии,

¹ Мысли, высказанные в докладе М.В. Станюкович на первой российско-филиппинской конференции, опубликованы в других российских и зарубежных изданиях до и после выхода в свет рецензируемого сборника, а именно: [Станюкович 2011; Stanyukovich 2013].

² В список работ Г.Е. Рачкова, опубликованный в сборнике в его честь, следует добавить вышедший позже многолетний труд ученого — двухтомный словарь тагальского языка [Рачков 2012].

Вьетнама, Камбоджи), так и весьма отдаленных (Индии, Южной Америки и др.). Ряд авторов, не будучи востоковедами, являются известными специалистами в области всеобщей истории, международных отношений, геральдики, российского искусства, библиографии. Но усилия всех исследователей, как филиппинистов в собственном смысле слова, так и специалистов, изучающих другие страны и занимающихся проблемами, выходящими за пределы филиппинистики, были в данном случае сфокусированы на тематике, имеющей непосредственное отношение именно к Филиппинам. При этом стало вполне очевидным, что проблемы истории, антропологии, этнографии и культуры Филиппин в целом имеют широкие исторические и типологические параллели в самых разных регионах. Я постараюсь отмечать эту черту при рассмотрении конкретных статей. Сейчас же, давая общую характеристику этого издания, заранее подчеркну, что и состав его в целом, и метод описания представленных в нем материалов придают ему дополнительное измерение, не ограниченное географическими рамками Филиппин. Поэтому рецензируемый сборник способен привлечь внимание не только филиппинистов или специалистов по странам бассейна Тихого океана, но и тех, кто интересуется более общими проблемами в области компаративистики и типологии.

Все содержание сборника распределено на пять частей: I. Филиппины и Россия; II. Фольклор и литература; III. Лингвистика; IV. Антропология, этнология, этнолингвистика; V. Филиппины в российском искусстве, музеях и библиотеках. Деление это в значительной мере условно. Статьи, помещенные в разных частях в соответствии с их основной тематикой, во многих отношениях перекликаются между собой, нередко мысли и положения, высказанные в статье, помещенной в одной рубрике, дополняются и получают дальнейшее развитие в статьях других рубрик — касается ли это этнографии, культуры, музейных коллекций, языка или произведений искусства. С моей точки зрения, это отличительная черта сборника, придающая ему определенную цельность и способствующая тому, чтобы увидеть события истории, языковые явления, фольклорные традиции, элементы культуры Филиппин в неразрывной связи друг с другом. Имея это в виду, я буду говорить о статьях не всегда в той последовательности, в которой они расположены в сборнике, а в соответствии с той логической связью, которая, по моему мнению, существует между ними, независимо от того, в каком разделе они находятся.

Первая часть сборника открывается обзорной статьей одной из первых учениц Г.Е. Рачкова, ныне известного во всем мире специалиста по фольклору и этнографии Филиппин М.В. Ста-

нюкович «История филиппинистики в России: взгляд из Санкт-Петербурга». Автор представляет широкую панораму российско-филиппинских отношений, охватывающую почти 400-летний период, от только зарождавшегося интереса России к этому региону в допетровское время, продолжавшегося во времена правления Петра Первого и Екатерины Второй и в значительной мере реализованного в период первых кругосветных экспедиций XIX в. В XX в. формируется научно-исследовательский интерес к Филиппинам, появляются первые филологи, этнографы, историки этого региона, труды которых стимулировали дальнейшее развитие филиппинистики, представленной во всем своем многообразии и в век нынешний. Автор подчеркивает, что интерес российского общества к Филиппинам во все времена диктовался исключительно экономическими и культурными потребностями.

Культурная составляющая российско-филиппинских связей представлена в статье очень выпукло. Свою лепту в поэтично-романтическое восприятие экзотической культуры Филиппин и научное описание древнейших его обитателей внесли известные каждому россиянину поэты и поэты-ученые, писатели и писатели-историки, ученые-этнологи: М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, И.А. Гончаров, Н.Н. Миклухо-Маклай.

Подробное освещение предыстории и нарастающей со временем интенсивности российско-филиппинских связей перетекает в историю современной филиппинистики. В этой истории очень важная роль отведена отделению филиппинской филологии на Восточном факультете Ленинградского (сейчас Петербургского) государственного университета, существующему с 1967 г., бессменным главой которого до самого последнего времени был Г.Е. Рачков. За прошедшие почти 50 лет в России сформировались в сущности две школы в изучении Филиппин — петербургская (ленинградская) и московская. Каждая — со своими приоритетами в тематике и особым подходом в интерпретации исторических событий, языковых или культурных явлений этого региона, но при этом они тесно взаимодействуют и дополняют друг друга.

Статья М.В. Станюкович насыщена огромным количеством фактов. Прошлое и настоящее филиппинистики представлено очень детально, с множеством имен, фамилий, разрабатываемых исследователями проблем. Казалось, ничто не ускользнуло от внимания автора обзорной статьи. В ней не только обобщены научные достижения в филиппинистике, но и определены важные и необходимые направления исследований ближайшего будущего, в частности подготовка источниковед-

ческой базы в виде антологии наблюдений российских мореплавателей XIX в., описание приобретенных в последние годы крупных коллекций и др.

И все-таки вряд можно было в одной статье исчерпать тему, обозначенную в ее названии. Сознвая это, автор в ряде случаев ограничивается только кратким упоминанием некоторых проблем изучения Филиппин и отсылает читателя к соответствующим статьям сборника, специально им посвященным. В этом проявилась отличительная черта сборника, отмеченная выше. Еще раз повторю, что считаю большой удачей такой подбор материала и состав сборника «*Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!*», когда представленные в нем статьи выполняют двойную функцию: с одной стороны, они являются совершенно самостоятельными очерками, а с другой стороны, развивают и дополняют ряд положений, высказанных в других статьях.

Одним из дополнений к обобщающей статье М.В. Станюкович является статья В.Н. Кислякова «Ранние филиппинские коллекции в МАЭ РАН», в которой роль Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в изучении Филиппин, отмеченная М.В. Станюкович, конкретно представлена в описании первых приобретенных музеем филиппинских коллекций. После освещения роли МАЭ и его сотрудников в историко-культурном изучении островной части Юго-Восточной Азии, прежде всего австронезийских народов, автор подробно перечислил состав ранних коллекций по народам Филиппин, поступивших в МАЭ как от различных собирателей, так и из некоторых отечественных и зарубежных музеев за период с конца XIX до 30-х гг. XX в. Замечу, что для создания полной картины состояния музейного фонда по Филиппинам большую роль могла бы сыграть статья самой М.В. Станюкович о коллекциях, приобретенных ею в течение последних двух десятилетий во время экспедиций на Филиппины. Число предметов, привезенных М.В. Станюкович для Кунсткамеры (а их больше 1000), превосходит все существовавшие до этого времени филиппинские коллекции в МАЭ. Но нельзя объять необъятное. Остается надеяться, что в недалеком будущем и эта задача будет выполнена, тем более что она определена в числе приоритетных для петербургской филиппинистики на ближайшее время.

В сущности, вся пятая часть сборника — «Филиппины в русском искусстве, музеях и библиотеках» — может быть воспринята как развернутый комментарий к теме «Россия и Филиппины» в культурологическом и искусствоведческом аспекте. Это статья И.Н. Воевуцкого «Филиппинские издания

и западные издания о Филиппинах в Библиотеке Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН», где говорится о формировании небольшого, но очень важного библиотечного фонда по Филиппинам в то время, когда в России еще не было специалистов, изучающих этот регион, и когда комплектование соответствующей литературы было нацелено лишь на исследователей, которые могли бы появиться в неопределенной перспективе. Такие исследователи появились только в советское время и пополнили фонд существующей литературы по Филиппинам своей личной обширной библиотекой. Об этом — статья А.К. Касаткиной «Библиография работ по Филиппинам, хранящихся в отделе Австралии, Океании и Индонезии МАЭ РАН».

Завершает библиографический раздел и весь сборник структурированная библиография работ по филологии, антропологии и этнографии, опубликованных петербургскими исследователями в России и за рубежом, а также публикации ученых из других городов и стран (московских, филиппинских коллег, исследователей из Англии, Франции, США и пр.), изданные в Санкт-Петербурге (статья М.В. Станюкович и Т.И. Шаскольской «Библиография петербургской филиппинистики XX — начала XXI в.: филология, антропология и этнография»). Подобная библиография публикуется впервые. Ценность ее особенно велика потому, что большинство статей, опубликованных в малотиражных петербургских академических и университетских изданиях, не были учтены в ранее публиковавшихся библиографиях по Юго-Восточной Азии. Все статьи библиографического характера дают исчерпывающее на данном этапе представление о библиографии по филиппиноведению в Петербурге.

Важным вкладом в культурную составляющую филиппинистики являются статьи о первых российских художниках, посетивших Филиппины в середине XIX — начале XX в.: статьи Ю.С. Рутенко «М.Т. Тиханов — первый русский живописец (1789(?)—1862), побывавший на Филиппинах» и Е.Г. Шиловой «Филиппинские работы В.В. Верещагина». Эти статьи, с одной стороны, представляют картины известных российских художников, созданные под впечатлением филиппинской реальности, как историко-этнографический источник, а с другой — открывают неизвестную до сих пор страницу жизни и творчества этих художников, что очень важно и для исследователей истории российского искусства.

М.Т. Тиханов и В.В. Верещагин создавали свои картины и отдельные зарисовки из жизни филиппинцев, когда еще не была изобретена фотография, с появлением которой начинается

совершенно новый этап в этнографических исследованиях. Филиппины в этом отношении оказались исключительно важным источником, прежде всего благодаря большому иллюстративному материалу, хранящемуся в отделе Австралии, Океании и Индонезии и связанному с именем Роя Франклина Бартона. Этот выдающийся американский ученый занимает совершенно особое место в филиппинистике как мировой, так и советской — случай экстраординарный. Именно Р.Ф. Бартон, десять лет (1930–1940) проработавший в России, в Ленинграде в Институте антропологии и этнографии, является родоначальником филиппинской этнографии в России (тогда СССР). Он оставил большое творческое наследие, в числе которого и богатая иллюстративная коллекция¹. В данном сборнике она впервые стала предметом научного исследования в статье А.К. Касаткиной «Коллекции филиппинских фотографий Р.Ф. Бартона в МАЭ РАН».

В статье тщательно изучены хранящиеся в отделе Австралии, Океании и Индонезии диапозитивы, представлена их характеристика с точки зрения сохранности, музейной документации, аутентичности, содержания, проведено сравнение их как с опубликованными фотографиями, сделанными ученым в начале XX в., во время первой поездки на Филиппины, так и с фотоотпечатками, сделанными в середине 1930-х гг. Автор убедительно показывает, что фотографии являются визуальным дополнением к полевым дневникам ученого: и те, и другие отражают живые сценки, быт, нравы, поведение филиппинцев в обыденной и ритуальной жизни.

Я бы хотела добавить, что А.К. Касаткина целенаправленно и плодотворно занимается иллюстративным материалом, хранящимся в отделе Австралии, Океании и Индонезии не только по Филиппинам, но и по всей островной части Юго-Восточной Азии. В качестве первого этапа она его систематизировала и классифицировала [Касаткина 2009]. Одновременно с филиппинскими фотографиями А.К. Касаткина внимательно изучила богатый иллюстративный фонд выдающегося немецкого собирателя начала XX в. Альберта Грубауэра, которому Кунсткамера обязана ценнейшими коллекциями предметов культуры и быта народов Индонезии, главным образом Суматры и Калимантана. Она не только изучила старинные фотоотпечатки, систематизировала и представила их квалифицированное описание. Ей удалось побывать на Калимантане, сделать доклад об этом фонде на конференции, побеседовать с жителями тех мест, которые в свое время посетил Альберт Грубауэр,

¹ О работе Бартона в МАЭ РАН и его наследии см.: [Станюкович 1979; Stanyukovich 2004].

показать им фотографии, хранящиеся в Кунсткамере, получить от них соответствующие разъяснения и пережить вместе с ними радость узнавания родных для них мест, снимки которых хранятся в российском музее [Касаткина 2010; 2011; 2012; 2013]. Фотографии, пролежавшие в отделе Австралии, Океании и Индонезии почти 100 лет, ожили и заговорили. Вот почему работы А.К. Касаткиной по иллюстративному материалу, как в данном сборнике, так и вышедшие в других изданиях, тоже являются своего рода иллюстрацией — иллюстрацией того, как старинные фотографии могут стать полноценным этнографическим источником, т.е. служить фундаментом того направления в этнографии, которое известный исследователь музейного дела Л.А. Алексеева называет музейным источниковедением.

Все перечисленные статьи имеют совершенно самостоятельную научную ценность и в то же время конкретизируют и развивают ряд положений, высказанных в статье М.В. Станюкович. Они демонстрируют интерес России к Филиппинам, проявляющийся в разных формах и в разные периоды истории. Это и есть филиппинистика в России в ее исторической протяженности: в царской России, СССР и России современной. Собственно говоря, весь сборник «*Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!*» можно считать последним словом в развитии этой темы на данном этапе.

Российско-филиппинские отношения в исторической ретроспективе представлены в статьях В.В. Носкова «От “Паллады” до “Авроры”: русские крейсера в Маниле» и Рикардо Трота Хосе “*The Russo-Japanese War and the Philippines*”, во многом тесно связанных между собой, хотя, возможно, это получилось неосознанно: В.В. Носков участвовал с докладом на конференции, который затем был преобразован в статью, Р.Т. Хосе в конференции участия не принимал, но прислал статью специально для публикации в сборнике. Тем не менее обе статьи оказались посвященными общей теме, относящейся к русско-японской войне и ее последствиям и для России, и для Филиппин.

В.В. Носков, с одной стороны, расширяет информацию о Филиппинах, упомянутую в статье Станюкович. К числу участников кругосветных экспедиций XIX в., оставивших заметки о Филиппинах, он добавляет имена А.А. Баранова, Н.П. Резанова, Е.В. Путятина и др. С другой стороны, автор, изучив множество документов, прежде всего архивных (Архив внешней политики Российской империи, Российский государственный архив, архив Военно-морского флота), воссоздает историю проектов установления торговых связей между рос-

сийскими владениями в северной части Тихого океана и Филиппинами. Попытка укрепиться на берегах Тихого океана оказалась неудачной для России. Однако главное внимание в статье обращено на историю пребывания российских крейсеров в Маниле после поражения России в русско-японской войне. Создавая картину одного из печальных событий российской истории, автор описывает внутреннюю обстановку на кораблях, критический анализ военного поражения, переговоры с американским правительством о помощи российским морякам. Эта статья касается российско-филиппинских отношений с точки зрения российской истории.

Какое значение имела русско-японская война для истории Филиппин и какое влияние она оказала на филиппинцев, раскрывается в статье Рикардо Трота Хоце “The Russo-Japanese War and the Philippines”. Автор показывает, что пребывание русских крейсеров в Маниле после поражения при Цусиме и вообще победа Японии оказали большое влияние на подъем освободительной борьбы Филиппин против американского колониального господства. Посещение филиппинцами российских кораблей явилось особенным стимулом для усиления национально-освободительного движения и способствовало укреплению прояпонских настроений в филиппинском обществе. Для филиппинцев победа Японии при Цусиме была примером того, чего могут добиться азиатские страны. Подъем национально-освободительного движения на Филиппинах, в свою очередь, заставил американское правительство почувствовать уязвимость своей политики на Филиппинах, вынудил его переориентироваться и пересмотреть свои стратегические планы.

Таким образом, две статьи российского и филиппинского авторов, посвященные одной и той же теме, связанной с русско-японской войной, удачно дополняют друг друга и раскрывают важные моменты в истории и общественных умонастроениях в начале XX в. как в России, так и на Филиппинах.

В первой исторической части сборника в статье историка и геральдиста международного класса М.Ю. Медведева представлен особый пласт культуры, связанный с геральдикой и вообще эмблемами государственной власти султаната Сулу. Он показал историю геральдики султаната в контексте исторического развития всего малайского мира, разобрал по мельчайшим деталям современные герб, флаг и другие эмблемы государственной власти султаната и проследил их истоки в местной культуре, а также трансформацию в результате многовекового влияния европейской и американской культуры. В лице автора статьи мы видим не только высоко эрудированного исследова-

теля, вооруженного обширными познаниями геральдической культуры Востока и Запада, но и художника-практика, предложившего свою концепцию ныне действующей официальной гербовой символики султаната Сулу. В его концепции воплотилось культурное наследие предыдущих этапов развития геральдики и символики Филиппин. Она не только получила официальное одобрение. Автор за нее получил статус *дату* — короля-хранителя, стал членом королевского совета султаната Сулу — случай беспрецедентный в его истории и истории Филиппин вообще, а то, что геральдические документы были подписаны в Петропавловской крепости — случай беспрецедентный в истории России. Для меня как человека, занимающегося средневековой малайской историей, особенно интересно, что геральдическая терминология Сулу во многом малайская (термины *дату*, *Раджа Муда*, *Махараджа адинда*).

Вторую часть сборника «Фольклор и литература», с моей точки зрения, следовало бы начать со статьи Ю.Е. Березкина «Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Филиппин и Индонезии», хронологически отражающей наиболее древний период в фольклоре обширнейшего региона, далеко выходящего за рамки Нусантары. Ю.Е. Березкин давно занимается ареальными исследованиями мифологических мотивов и сюжетов буквально во всех регионах Старого и Нового света (Южной и Юго-Восточной Азии, бассейна Тихого океана, Северной и Южной Америки, Африки). Широкое распространение сходных мотивов и сюжетов в географически очень отдаленных друг от друга областях является очень важным и надежным показателем миграций и историко-культурных связей разных народов на самых ранних этапах этнической истории. В данном сборнике в центре таких историко-культурных связей находятся Филиппины.

Сопоставляя между собой сказочные и мифологические мотивы вплоть до мельчайших деталей (именно таковые в определенном смысле могут иметь решающее значение для тех или иных выводов), Ю.Е. Березкин выделяет мотив, соответствующий самой ранней эпохе, связанной с первоначальным заселением современным человеком индо-тихоокеанской окраины Азии («Солнце съедает своих детей»), а также мотив, представляющий доавстронезийский субстрат у народов Индонезии и Филиппин и его мундо-дравидийские и африканские параллели («Лунная пряжа»). Далее автор выделяет австронезийский мотив («Супруги делят ребенка»), ареал распространения которого указывает на Филиппины как на место, через которое австронезийцы продвигались на Восточную Индонезию. Ареал распространения следующего мифологического мотива («Мальчик-половинка») обнаруживает широкие средиземно-

морские и тихоокеанские параллели, в том числе и у игоротов Филиппин, что говорит о возникновении постоянных контактов между Средиземноморьем, Южной и Восточной Азией.

Статья Ю.Е. Березкина поражает своим исследовательским размахом, масштабностью, умелым оперированием громадным материалом, направленным на выявление этнических и историко-культурных связей и миграционных потоков на самых ранних этапах истории. В ней много открытий для исследователей, занимающихся изучением древнейшего прошлого человечества. Но, как во всяком произведении, касающемся подобных проблем, в статье высказывается много предположений, гипотез, в том числе и сомнительных, по признанию самого автора. Если для такого знатока ареалов распространения указанных мифологических сюжетов гипотезы о культурных связях на самых ранних этапах истории человека кажутся таковыми, что тогда остается делать читателю, который, погружаясь в обрушившийся на него шквал информации, иногда буквально теряет ориентацию. Не следует, однако, воспринимать это как упрек. Это скорее выражение огромного уважения к работе, стимулирующей мыслительную активность читателя и стремление дотянуться до высоты авторских познаний. Но вот от чего хотелось бы предостеречь Ю.Е. Березкина, так это от употребления в дальнейшем в отношении одного из племен Малаккского полуострова термина «сакай», давно вышедшего из употребления. Эти племена следует называть *сеноями* или одним из народов *асли*.

Фольклорная тематика сборника представлена также статьями, посвященными эпической традиции народов Филиппин, а именно статьями Ампаро Аделины III Умали, двумя статьями С.И. Яценко и небольшим откликом на одну из них А.В. Козьмина.

Ампаро Аделина III Умали (статья “Learning from Masters: Teaching Ifugao *Hudhud* Chants, San Dionisio Komedya and the Bontok Eagle Dance in the Classroom”) применила опыт своих наблюдений за методами в школе актерского мастерства японских театров Но и Кабуки для обучения исполнителей филиппинских фольклорных произведений — *худхудов* (эпоса ифугао), бонтокского танца орла и театральных комедий. В организованной ею школе живой традиции она на практике применила методiku обучения японской театральной системе, где большее значение придается не самому тексту, а прямому повторению вслед за учителем слов и движений, т.е. телесному и голосовому тренингу. Такой практический диалог культур помогает, по мнению автора, оживить застывшие традиции и осознать важность собственного культурного наследия,

необходимость его сохранения и передачи будущим поколениям.

Эта статья, посвященная конкретному влиянию традиций театрального искусства Японии на исполнительское мастерство фольклорных произведений и театрализованных представлений Филиппин, имеет для меня дополнительный смысл, и я бы рассмотрела ее в более широком контексте, а именно — с точки зрения использования принципов и художественных приемов одних театральных систем в обновлении и реформировании актерской игры и театрального искусства в других театральных традициях. Напомню, что выдающиеся деятели современного искусства — Энтони Гордон Крэг, Бертольд Брехт, Антонен Арто, Сергей Эйзенштейн, Всеволод Мейерхольд и многие другие в своих творческих поисках и художественных экспериментах в той или иной степени использовали средства актерской выразительности театра Индии, Китая, Японии, Индонезии и создавали особые ритмические композиции слова и движения¹.

Две статьи С.И. Яценко посвящены исследованию илоканского эпоса «Жизнь Лам-анга». Автор вводит в научный оборот один из известных эпических памятников Филиппин. В статье «Илоканский эпос “Жизнь Лам-анга”»: история изучения и содержание памятника» подробно рассматриваются и сопоставляются различные версии эпоса, определяется степень их аутентичности, даются переводы некоторых частей памятника с илоканского и тагальского языков. В результате тщательного анализа содержания и формы памятника автор делает вывод о его жанровой природе. По его мнению, памятник относится к жанру богатырской сказки с элементами (зачатками) героического эпоса. Во второй статье — «Организация стиха в илоканском эпосе “Жизнь Лам-анга”» — С.И. Яценко анализирует его метрическую систему и высказывает предположение о силлабо-тонической структуре памятника.

То, что в статье С.И. Яценко выглядит только как предположение, переходит в утверждение в статье откликнувшегося на нее А.В. Козьмина, который использует собственную методику стиховедческого исследования. Он сравнивает метрику илоканского эпоса с монгольской, подчеркивает их несомненное сходство и уподобляет метрику «Жизни Лам-анга» монгольскому эпосу, ритмическая организация которого уверенно определяется как силлабически упорядоченная. Вывод вполне убедителен, но логически следовало бы статью С.И. Яценко о ритмической организации илоканского эпоса поместить перед статьей А.В. Козьмина.

¹ Об этом подробнее см.: [Уварова 2001; Ревуненкова 1992: 12–13, 172–177].

Статьи С.И. Яценко представляют собой серьезные исследования, сделанные впервые в российской (а может быть, и не только) филиппинистике. Но некоторые утверждения автора вызывают сомнения, в основном связанные с собственным толкованием некоторых цитат и расширительным употреблением термина «индонезийский», т.е. заменой его на термин «австронезийский». Так, С.И. Яценко пытается рассмотреть илоканский эпос в рамках австронезийского эпоса и считает, что содержание памятника составляют типичные и наиболее древние темы австронезийского эпоса.

Автор ссылается при этом на работу Б.Б. Парникеля (С. 191–192). Но у известного российского исследователя литературы речь идет не об австронезийском, а об индонезийском эпосе. А что такое австронезийский эпос — непонятно. Утверждая, что «Жизнь Лам-анга» представляет собой повествовательную поэзию — *даллот*, где прозаическое повествование перемежается с песенным исполнением, автор сравнивает ее с малайскими и аческими пантунами как древнейшим поэтическим жанром австронезийцев. Этот же вывод повторяется и во второй статье об организации стиха илоканского эпоса, и опять автор ссылается на Б.Б. Парникеля: илоканский эпос предстает как типичный пример исконного австронезийского фольклорно-поэтического текста (С. 174, 229, 231).

Помимо замены термина «индонезийский» на «австронезийский», следует сделать еще одно замечание. С моей точки зрения, представленный С.И. Яценко материал по метрической системе илоканского эпоса, где прозаическое повествование перемежается с песенным, не позволяет ее сравнивать с пантунами — четверостишиями, имеющими строго определенную структуру двучленного параллелизма самого разнообразного характера (содержательного, символического, музыкального и т.п.).

Две статьи в сборнике посвящены филиппинской литературе. Одна из них более общего характера — “Golden Age of Filhispanic Literature (1898–1941)” Уирана де ла Пенья — посвящена подробному анализу и раскрытию значения литературы на испанском и английском языках во время американского господства на Филиппинах. Вторая — статья О.В. Колтыги — более конкретная. Она раскрывает творческий путь классика тагальской литературы — Франсиско Балагтаса (1788–1862) («Исследование творчества классика тагальской литературы Франсиско Балагтаса на Филиппинах и в России»).

Уиран де ла Пенья поставил своей задачей объяснить читателям, почему период филиппинской литературы, написанной во время американского господства на испанском и англий-

ском языке, называют золотым веком. Учитывая, что она очень мало привлекала внимание исследователей, занимает маргинальное положение в академической науке и не изучается в школе, автор считает такую оценку не более чем ярлыком. Подробно исследовав множество литературных произведений и периодических изданий того времени, автор доказывает, что эта литература воплощена в многочисленных произведениях и отличается разнообразием жанров, свободой выражения, языковым богатством. С его точки зрения, этот период в развитии литературы можно считать своего рода культурным переворотом. Произведения этого времени написаны на испанском и английском языках, но они писались о филиппинцах и для филиппинцев и хранили память о филиппинской культуре, предках и национальных героях Филиппин (прежде всего о Хосе Рисале).

В статье О.В. Колтыги впервые на русском языке представлена творческая биография классика филиппинской литературы Франсиско Балагтаса и его роль в формировании современного литературного языка. Мне кажется, что эта статья должна была бы стоять перед статьей Уистана де ла Пенья (учитывая хронологические рамки). Кроме того, непонятно, почему всего две статьи по литературе, тематически связанные между собой, отделены друг от друга статьями, посвященными фольклорной тематике. Ведь раздел называется «Фольклор и литература», и именно в таком порядке следовало бы и располагать в нем статьи.

Не будучи лингвистом, я не берусь рецензировать статьи третьего раздела сборника — «Лингвистика», но в состоянии высказать общее впечатление о них. Должна отметить, что многолетнее сотрудничество и знакомство с двумя выдающимися лингвистами — специалистами по индонезийскому и другим австронезийским языкам Натальей Федоровной Алиевой и Александром Константиновичем Оглоблиным — дает мне право утверждать, что их участие в сборнике со статьями, посвященными залоговым конструкциям в индонезийских и филиппинских языках, уже выводит это издание за пределы России и ставит его на международный уровень.

С.Б. Клименко, которого Г.Е. Рачков готовил как своего преемника в заведовании тагальским отделением на Восточном факультете, анализирует различные подходы к грамматике тагальского языка, принятые в российской и филиппинской лингвистике («Аккузативность и эргативность в тагальском языке»). Бакалавр СПбГУ, С.Б. Клименко в момент написания статьи начинал обучение в магистратуре Университета Филиппин (Дилиман) по лингвистике, которую с блеском закончил в 2012 г.

Лингвистические статьи сборника логически связаны со статьями этно- (или социо-) лингвистического характера, входящими в четвертый раздел сборника — «Антропология, этнология, этнолингвистика». Начну со статьи Ю.Ю. Крылова «Названия металлов: австроазиатско-австронезийские параллели», которая, кстати, в равной мере может быть отнесена и к лингвистическому разделу сборника. Автор детально исследует лексемы, обозначающие шесть металлов в австроазиатских и австронезийских языках, среди которых существенное место занимают языки Филиппин (тагальский, бикольский, панга-синанский, маранао, палаван и др.). Он показывает, какими путями могло распространяться буквально каждое слово, каковы его соответствия (или несоответствия) в различных языках Юго-Восточной Азии, и приходит к очень важному выводу о сходстве двух языковых семей в сфере лексики, относящейся к названиям металлов, объясняя это сходство не родством австроазиатских и австронезийской семей в рамках гипотетической аустрической макросемьи, а заимствованиями из австронезийских в австроазиатские языки. Статья Ю.Ю. Крылова — пример того, как на сравнительно небольшом, но очень показательном материале, обладая глубокими познаниями в области языков Юго-Восточной Азии и владея методами лингвистической реконструкции и сравнительного языкознания, можно сделать важные выводы о направлении языковых и этнических контактов в глубокой древности этого региона.

Если статья Ю.Ю. Крылова посвящена воссозданию определенного аспекта языковой ситуации в Юго-Восточной Азии, в том числе на Филиппинах, в древнейшую эпоху, то статья Е.Г. Фроловой посвящена конкретной языковой ситуации на Филиппинах сегодня. Автор использует широкий круг источников, прежде всего опыт личного общения, собственные наблюдения, в том числе за методикой преподавания в средних и высших учебных заведениях, средства массовой коммуникации, художественную литературу и множество иных материалов. В статье рассматривается соотношение употребления национального языка филипино (в основе которого лежит тагальский), языка *таглиш* (смеси тагальского и английского языков) и английского. В результате представлена сложная, дифференцированная картина использования трех языков в разных областях жизни, культуры, в сферах общения, социальных группах. Особое внимание обращено на роль церкви Иглесия ни Кристо, играющей немалую роль в распространении тагальского языка. В результате проведенного автором глубокого профессионального исследования современной языковой ситуации на Филиппинах делается вывод о ее несбалансированности, неустойчивости, подвижности. Правитель-

ственные реформы в отношении языка пока малоэффективны, языковая ситуация еще не устоялась и находится в процессе развития.

По моему мнению, статья Е.Г. Фроловой и статья Ю.И. Студеничника «Глаголы таглиш: *mag- vs -um-*», помещенная в лингвистической части сборника, пересекаются друг с другом, вернее последняя может считаться относящейся как к лингвистике, так и к этнолингвистике, поскольку в ней тоже характеризуется своеобразная языковая ситуация на Филиппинах, но основное внимание обращено на конкретные механизмы взаимодействия тагальского и английского языков в языке *таглиш* на примере образования новых глагольных форм.

С языковой ситуацией в многонациональных государствах тесно связана и этническая. В сборнике она представлена в двух аспектах: взаимоотношения основных народов с коренными (статьи Л.А. Рида и В.Р. Атнашева) и взаимоотношения между основным населением и пришлым, выходцами из других стран (статья И.Ю. Котина).

Проблема коренных народов поистине универсальна и является постоянной и животрепещущей для всех полиэтнических государств. В данном сборнике эта проблема обсуждается в статьях американского ученого Л.А. Рида «Коренные народы — кто они?» (перевод М.В. Станюкович) и российского ученого В.Р. Атнашева «Особенности конституционного статуса личности в Республике Филиппины (международно-правовой аспект)».

Статья Л.А. Рида по форме представляет собой лекцию, прочитанную представителям коренных народов Филиппин, и по своей стилистике сохраняет черты живого разговора с ними. Известный лингвист и этнограф, имеющий многолетний опыт изучения коренных народов Филиппин, предваряет свою статью-лекцию подробным критическим анализом сложившихся концепций о том, кого считать таковыми. Он приходит к выводу, что наиболее приемлемым является определение коренных народов в «Акте о правах коренных народов» (IPRA). Наблюдая в течение своей исследовательской работы, как сильно трансформируются и исчезают языки, реалии, обычаи и другие культурно-бытовые признаки коренных народов Филиппин, автор считает необходимым, чтобы сами коренные народы осуществляли свои права, всячески способствовали сохранению языков и культуры своих предков и препятствовали их уничтожению, особенно в условиях глобализации.

Статья В.Р. Атнашева посвящена сходной теме, но тональность ее иная. Автор приводит количество коренных народов Фи-

липпин — 110 этнолингвистических групп. Так же как и в статье Л.А. Рида, в статье В.Р. Атнашева говорится о конституционных правах коренных народов Филиппин. Подробно рассказывая о деятельности Национальной комиссии по коренным народам Филиппин, автор более оптимистичен в отношении осуществления их конституционных прав. Если Л.А. Рид весьма озабочен конкретной картиной быстрого исчезновения культуры коренных народов, то В.Р. Атнашев приходит к выводу о положительной тенденции к расширению деятельности в сфере защиты прав коренных народов Филиппин.

Как отмечено выше, тема коренных народов (по российской терминологии с добавлением определения «малые» или «малочисленные») очень актуальна и часто весьма болезненна во многих странах, в том числе и в России, где эта проблема обсуждается десятки лет. Приведу пример самого последнего времени. На VII съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока обсуждались насущные вопросы жизни этих народов: состояние правового обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов России; экономическое развитие и поддержка общин; образование и родные языки; духовное и культурное наследие; молодежь, здоровый образ жизни, спорт; социальная защита, пенсионное обеспечение и охрана здоровья; природопользование и экология, взаимодействие коренных народов и промышленных компаний. По всем пунктам программы велись острые дискуссии, были вскрыты серьезные недостатки в решении многих жизненно важных проблем коренных народов России. Что касается ситуации с охраной их здоровья, то она была оценена как критическая¹.

Проблема соотношения основного этноса с выходцами из других стран также относится к весьма актуальным. Один из аспектов этой проблемы применительно к Филиппинам осветил И.Ю. Котин в статье «Сикхи, синдхи и другие 'бумбай': индийцы на Филиппинах». После краткого экскурса в историю торговых и культурных связей между Филиппинами и Индией с древности до XIX в., когда наблюдался большой приток индийцев на Филиппины, автор дает подробную характеристику этнического состава индийской диаспоры на Филиппинах. Статья написана индологом, и естественно, что особое внимание уделено отношениям внутри индийской общности, прежде всего между конфессиональной группой пенджабцев —

¹ Подробнее о съезде и особенно об охране здоровья коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ см.: [Харитоновна, Пассар].

сикхов и индусами — синдхами, а также взаимоотношениям их с другими этническими группами, прибывшими из Индии и проживающими сегодня на Филиппинах. Автор при этом подчеркивает не только обособленность индийской диаспоры, но «вживаемость» индийцев в мультикультурную мозаику Филиппин. Одним из доказательств этой вживаемости является пристальное внимание к взаимоотношениям внутри индийской общности в филиппинской прессе. Таким образом, индийская общность воспринимается как неотъемлемая часть населения Филиппин. Нет необходимости подчеркивать важность подобного рода статей для анализа этнической ситуации в связи с отношениями между основным населением и мигрантами едва ли не во всех странах мира и, далеко не в последнюю очередь, в современной России.

Выше говорилось о том, что отличительной чертой многих статей сборника является их многоаспектность. Может быть, в наиболее ярко выраженной форме эта черта проявилась в статье Марот Крисанты Н. Флорес “The Cattle Caravans of Ancient Caboloan (Interior Plains of Pangasinan): Connecting History, Culture and Commerce by Cartwheel”. Она занимает самое большое место по объему и не менее важное по значению в разделе «Антропология, этнология, этнолингвистика», хотя в равной мере может относиться и к истории, культуре, этнографии, экономике. Пользуясь сравнением, использованным автором в подзаголовке статьи, караванная торговля на повозках, запряженных волами, представляет собой некое колесо истории, в этой традиции воплощались и в определенной степени воплощаются культурные и экономические традиции древней области Каболоан провинции Пангасинан (на Лусоне) (они распространялись по Филиппинам в целом). Автор обстоятельно реконструирует основные этапы караванной торговли на повозках с волами еще во времена доиспанского господства. Караванная торговля на волах того времени была, по мнению автора, локальным вариантом караванной культуры, в XIII–XVI вв. распространенной по всему миру, кульминацией развития которой является Великий Шелковый путь. И сейчас традиции караванной торговли на волах, зародившиеся в древней области Каболоан, продолжают существование и занимают свою нишу в рыночной торговле Манилы. Несмотря на все трудности выживания в связи с процессами глобализации, охватившими весь мир, этот вид торговли и образа жизни способствует сохранению этнической идентичности в метрополии.

Несколько слов остается сказать о статьях, посвященных материальной культуре. В статье А.А. Лебедевой «Традиционные суда Филиппин» описываются судостроительные традиции.

Очень профессионально анализируя конструктивные особенности судов разного назначения (грузовые, пассажирские, парусные, военные и т.п.) и сравнивая навигационные модели Филиппин и островов Океании, автор прослеживает культурные связи между ними и выявляет роль Филиппин в процессе освоения и заселении Микронезии. Таким образом, изучение предметов материальной культуры приводит к важным выводам о направлении и характере культурных и этнических связей в бассейне Тихого океана. В этом отношении статья А.А. Лебедевой примыкает к статьям Ю.Е. Березкина и Ю.Ю. Крылова, где та же проблема ставится на уровне мифологических мотивов и языковых заимствований.

К этому же кругу статей можно отнести и статью К. Стоун “The Philippines and Guatemala: A Tale of Three Textiles”, где говорится об изготовлении и особенностях орнамента на изделиях из волокна ананаса (пинья), о тканях, окрашенных в технике «икат», и специфике традиционных манильских шалей (мантон). Все это, конечно, относится к сфере материальной культуры. Однако главная задача автора статьи состоит в том, чтобы подчеркнуть глубинные экономические, культурные, технологические связи Филиппин со странами Европы (Испанией), Азии (Китаем), Южной Америки (Гватемалой). Материал, использованный в статье, рассмотрен в свете широко обсуждаемой ныне проблемы глобализации, и в этом отношении статья К. Стоун перекликается со статьями Л.А. Рида о судьбе коренных народов Филиппин и со статьей о судьбе караванной культуры Марот Крисанты Н. Флорес.

Таково содержание сборника, посвященного проблемам Филиппин, их прошлого и настоящего, с точки зрения истории, филологии, этнографии. Оценки и некоторые замечания по отдельным статьям были сделаны по ходу изложения материала. Сейчас подведу некоторые итоги и выскажу общее впечатление от сборника.

Впервые, во всяком случае в российской филиппинистике, создан сборник, в котором поставлены и освещены проблемы комплексного исследования Филиппин в историческом, филологическом, фольклорно-этнографическом аспектах. Большим достоинством этого труда является его цельность. Многие статьи, посвященные той или иной проблеме, оказались тесно связанными: перекликаются, дополняют друг друга, развивают сходные идеи и положения, иногда в некотором противоречии, что тоже очень важно и говорит о том, что та или иная тема требует дальнейшего изучения и дискуссий.

В целом сборник дает весьма красочное представление о стране, ее прошлом, настоящем, от древних языков и этнических

контактов до современной языковой ситуации и функционирования средневековых институтов в современной жизни, о многообразной этнической и культурной мозаике и широком спектре проблем, которые требуют внимания и усилий со стороны разных специалистов. Конечно, это сборник о Филиппинах и о филиппинцах прежде всего. В этом отношении его название полностью соответствует его содержанию. Но не только. Большинство статей не просто дают информацию о том или ином аспекте истории, культуры, языка или литературы Филиппин, информацию, которую впервые вводят в научный оборот. Профессиональный уровень статей таков, что дает материал для сравнения сходных явлений в других странах и регионах. Иными словами, сборник предоставляет материал для широких сравнительно-типологических сопоставлений.

Многие авторы хотели не просто описать факты исторического, филологического или фольклорно-этнографического характера, но и сделать из них выводы более общего характера (в рамках австронезийской или австроазиатской общности, этнических связей между народами бассейна Тихого океана или сюжетов мирового фольклора и мировых эпических традиций, средневековой истории других стран Востока). Не обойден вниманием и происходящий в настоящее время процесс глобализации — процесс неизбежный, в который Филиппины уже втянуты и который определенным образом отражается в культуре. В этом отношении можно сказать, что многие статьи поднимаются до уровня теоретических обобщений. Сборник по Филиппинам такого масштаба в российской филиппинистике (возможно, и мировой) появился впервые.

Отдельно надо сказать об издании. Сборник представляет собой 4-й выпуск серийного издания Маклаевских сборников. Эта серия с самого начала задумана как в основном русскоязычная, однако издается по стандартам, принятым в международной издательской практике — с фронтисписом, оглавлением и резюме статей на английском языке. В данном выпуске также приведены сведения об авторах на русском и английском языках. Все это, конечно, ставит сборник на уровень международных изданий.

Справедливости ради надо сказать, что сборник не избежал и некоторых редакторских и издательских промахов. В некоторых случаях упоминаемая в статье литература отсутствует в библиографии: на с. 29 есть ссылка на труд П.С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы Екатерины II», изданный в 1787 г., и большая подстрочная сноска о значении этого труда, но в библиографии это название отсутствует. Нет его и в «Библио-

графии петербургской филиппинистики» М.В. Станюкович и Т.И. Шаскольской. Неправильно написаны инициалы профессора, заведующего кафедрой китайской филологии, в состав которой до последнего времени входило отделение филиппинской филологии — Евгения Александровича Серебрякова (С. 47). Второй выпуск филиппинского отделения на с. 48 датируется 1972–1978 гг., а на с. 50 — 1973–1978 гг. На с. 365 схемы 2а и 2б одинаковые, а должны различаться: вместо заявленной схемы инновации в изменениях звуков в языках А, В и С на втором рисунке повторена схема генетических соотношений языков А, В и С. Не раз встречаются повторы авторского текста в обеих статьях С.И. Яценко. Они были бы вполне уместны, если бы статьи печатались в разных изданиях, но в одном сборнике это было делать необязательно — достаточно было бы просто сделать соответствующие ссылки на публикуемые в этом же издании страницы текста. И уж совсем трудно понять, почему во всех шести предложениях на малайском языке имя *Amig* всюду написано по-русски (Амир) (С. 258–259).

Наверное, такие промахи неизбежны в любой объемной публикации. И хотя они не снижают впечатления от сборника, но при внимательном чтении текста отвлекают внимание на ненужные мелочи, и, конечно, лучше бы их не было.

Выше было отмечено, что сборник «*Pilipinas tupa! Филиппины прежде всего!*» как первое в истории отечественной науки собрание статей, всесторонне освещающее культуру и языки Филиппин, является на данном этапе последним достижением в области, которую в целом можно обозначить как «Филиппинистика в России». Теперь, после рассмотрения его содержания, без сомнения, диапазон его можно значительно расширить, уточнив, что он является отражением темы «Филиппинистика в России во взаимодействии и сотрудничестве с международной наукой о Филиппинах». Поэтому выход его в свет — важное событие не только в российской, но и мировой филиппинистике.

Библиография

- Касаткина А.К.* Иллюстративные материалы отдела Австралии, Океании и Индонезии по островам Юго-Восточной Азии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 277–281.
- Касаткина А.К.* Северный Борнео в фотографиях Альберта Грубауэра // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 130–135.
- Касаткина А.К.* Музейные фотографии как инструмент полевой работы: краткий опыт использования // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2011. Вып. 11. С. 237–256.

- Касаткина А.К.* Музейные коллекции в поле (заметки к программе полевого исследования) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 120–128.
- Касаткина А.К.* Музейные коллекции в поле: поездка в Киау, штат Сабах, Малайзия // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 400–407.
- Рачков Г.Е.* Новый тагальско-русский словарь. СПб.: НП-принт, 2012. Т. 1–2.
- Ревуненкова Е.В.* Конференция “Pilipinas muna!” — «Филиппины — прежде всего!» // Антропологический Форум. 2010. № 12 Online. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_revunenкова.pdf>.
- Ревуненкова Е.В.* Миф, обряд, религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. М.: Наука, 1992.
- Станюкович М.В.* Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // Советская этнография. 1979. № 1. С. 76–83.
- Станюкович М.В.* О локальности, роли иноэтнических культур и «чужого» языкового материала в эпической традиции. Былины Русского Севера и художды севера Филиппин // Рябининские чтения: М-лы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2011. С. 391–394.
- Уварова И.П.* Смеется в каждой кукле чародей. М.: РГГУ, 2001.
- Харитонова В.И., Пассар Л.В.* Обсуждение проблем охраны здоровья на VII съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Салехард, 28 марта 2013 г.) <<http://www.medanthro.ru/ru/events/item/194-28032013-obsuzhdenie-problem-okhrany-zdorovya-na-vii-vezde-korenykh-malochislennykh-narodov-severa-sibiri-i-dalnego-vostoka-rf>>.
- Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! Программа конференции и тезисы. СПб., 2009.
- Pilipinas muna! The Philippines is a Priority! Conference Program and Abstracts. SPb., 2009.
- Stanyukovich M.V.* R.F. Barton, an Outstanding American Anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // Russian-American Links: 300 Years of Cooperation / Отв. ред. Ю.П. Третьяков, Н.А. Александрова. СПб.: Академический проект, 2004. С. 34–49.
- Stanyukovich M.V.* Epic as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans. Ritual Implications of Hudhud Among the Yattuka and Tiwali Ifuga // N. Revel (ed.). Songs of Memory in Islands of Southeast Asia. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 167–204.